

Американские каникулы

МОНОВ

18+ содержит нецензурную брань

Эдуард Лимонов

Американские каникулы

«Альпина Диджитал»

1988

Лимонов Э. В.

Американские каникулы / Э. В. Лимонов — «Альпина
Диджитал», 1988

ISBN 978-5-00-139755-7

Америка глазами неистового русского: молодого, жаркого и свободного. В его венах пульсирует любовь, а в ушах звучит музыка. Эдичка никогда не был «удобным», и в этом сборнике рассказов он остается верным себе гениальным провокатором, *enfant terrible*. Лимонов писал автофикшн, когда он еще не был мейнстримом. «Американские каникулы», которых ждали пятнадцать лет, наконец возвращаются.

ISBN 978-5-00-139755-7

© Лимонов Э. В., 1988

© Альпина Диджитал, 1988

Содержание

Ист-Сайд – Вест-Сайд	7
Американские каникулы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Лимонов

Американские каникулы

Издатель П. Подкосов

Продюсер Т. Соловьёва

Руководитель проекта М. Ведюшкина

Художественное оформление и макет Ю. Буга

Корректор Ю. Сысоева

Компьютерная верстка А. Ларионов

© Эдуард Лимонов, 1988

© Художественное оформление, макет. ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

ЭДУАРД ЛИМОНОВ
**Американские
каникулы**

Издательство
«Альпина нон-фикшн»
Москва, 2022

альпина
ПРОЗА

Ист-Сайд – Вест-Сайд

Тебе кажется, что ты живешь скучно, читатель? Сейчас ты поймешь, как близко ты находишься к войне, смерти и разрушению. И как ты бессилен.

Я – сексуальный маньяк. В первый же вечер по прибытии в Нью-Йорк я попал на парти, где среди ночи вдруг увидел по меньшей мере с полдюжины своих бывших подружек. Уже под утро я отправился с двумя из них на квартиру одной из них – Стеси. Живет Стеси на Вашингтонских высотах, рядом с Хадсон-Ривер и Вашингтона Джорджа мостом, во вполне приличном, частично населенном евреями районе. Улица Стеси 175-я – звучит очень отдаленно, но на такси это не более десяти долларов от центра Манхэттена.

Обе девочки – блондинки. В ту ночь мы все некоторое время повозились в постели, пытаясь заняться любовью, но так как были пьяны и обкурены травой, через некоторое время успокоились и уснули. Утром другая моя бывшая девочка ушла, а я остался и провел со Стеси весь день.

За более чем год, прошедший с того времени, как мы расстались, Стеси изменилась к лучшему – стала куда более сексуальна. Может быть, это обстоятельство объясняется тем, что ей пришлось зарабатывать на жизнь постелью... У Стеси маленький сын пяти лет, и она завела себе несколько богатых любовников. Время от времени ей приходится любовников менять, в результате накапливается сексуальный опыт... Даже тело Стеси, внешне как будто бы оставшись тем же худым телом почти девочки-подростка, на самом деле изменило свою структуру – переродилось уже в мягкое, сластолюбивое, как бы подернутое нежным жирком тело бляди. Что и прельстило меня в ней в этот приезд.

Я жил эти две недели моих нью-йоркских каникул в доме, где когда-то служил хаузкипером. Босс позволил мне у него остановиться, не было сказано, надолго ли, но секретарша и теперешний хаузкипер позволили мне жить там до самого моего отъезда в Лос-Анджелес. И только существование Стеси и ее пизды заставило меня взять ключи от квартиры на Вашингтонских высотах, по совпадению, на одной улице со Стеси, когда мой друг, уехавший на отдых, предложил мне воспользоваться его квартирой.

Иной раз, правда, очень редко, между мужчиной и женщиной почему-то складываются отношения, очень похожие на отношения между мальчиком и девочкой. В нашем случае я и Стеси, в дополнение к постельным удовольствиям, вдруг стали наперебой поверять друг другу всевозможные тайны, сидя в глубине темных нью-йоркских баров, или в траве Централ-парка, или другого парка, названия которого я не знаю, но находившегося неподалеку от ее дома. Она любовалась мною, я любовался ею, мы целовались, я хватал ее за ноги и пипку под плащом, теребил ее желтую гривку волос, предлагал ей пойти в цветущие кусты и тащил ее, когда она смущенно отказывалась. Она рассказывала мне, смеясь, подробности своих сексуальных актов с бизнесменами, я рассказывал ей свои сексуальные истории. Иной раз она напивалась и капризничала, но еще год назад она напивалась и плакала, сейчас уже было лучше, был достигнут значительный прогресс.

Но я не собираюсь рассказывать историю мою и Стеси, посему вот вам только схематические черты наших отношений. Моя история – это Лимонов и Южный Бронкс. Это из-за Стеси в два часа ночи Лимонов в белом костюме, в белых сапогах, с пакетом, в котором лежала 21 тысяча французских франков в пятисотфранковых билетах, со всеми имеющимися у него документами, как американскими, так и французскими, с авиабилетами в Лос-Анджелес и из Лос-Анджелеса в Париж оказался в как будто бы разрушенном атомным взрывом Южном Бронксе.

Франк неумолимо падал, потому я, надеясь, что он подымет, обменивал свои франки небольшими порциями. В тот день утром у меня в кармане было более ста долларов. Я встре-

тил Стеси на углу 57-й улицы и Бродвея, она явилась в белом, как и я, костюме, тесная юбка подчеркивала ее круглую попку... приятно было иметь рядом с собой молодое тело на каблучках. На меня завистливо поглядывали неудачники этой жизни, их много и на Бродвее, и на 57-й, а я вел свою Мэрилин Монро сквозь толпу привычно и пренебрежительно, в конце концов, мне 37 лет и я имею на это право. Победоносный символ – благоухающая молодая пизда рядом со слегка утомленным Эдвардом – символ его победы над миром. Хорошо!

Мы выпили в пьяно-баре на Ист-Сайде, назывался он «Знак Голубя», достаточное количество напитков, помню, что счет был большой. Куча пижонов и бизнесменов, у каждого из них было в сотни и тысячи раз больше денег, чем у меня, я привез с собой весь свой капитал – эту 21 тысячу франков, уважительно смотрела, как я вывожу пьяную высокую Стеси, ее красивые ноги заплетались, по лицу блуждала пьяная улыбка. Их женщины были, безусловно, интеллигентнее Стеси, но куда хуже качеством. Стеси, следует вам сказать, ничего не понимала в искусстве или литературе, но зато у нее были зеленые туманные глаза, почти рыжие волосы, маленькие грудки, нежная попка – каждое полушарие в форме растянутой почти до самой талии буквы О – и молодость – ей было 23 года. Там, в баре, было несколько молодых женщин, но до зазорной вульгарности моей Мэрилин Монро им было далеко.

Она хорошо нагрузилась алкоголем и уже начала действовать мне на нервы. Она хотела есть. Я тоже хотел. И собирался, спустившись на девять улиц ниже по той же 3-й авеню, зайти в любимый мной «Пи Джей Кларкс» и сесть там под старыми часами, среди адвокатов, дантистов, бывших боксеров или бывших полицейских и демагогов, выдающих себя за литераторов или художников, среди всей этой симпатичной людской жижи, родной и знакомой, и пообедать. Но нет. Она хотела есть сейчас, а не через десять минут, которые бы потребовались нам, чтобы добраться до 56-й улицы. И она потащила меня в первый попавшийся отвратительно-дорогой и безвкусно-стеклянный итальянский ресторан, заполненный бессмысленной толпой официантов в таксидо, лишь несколько испуганных провинциалов сидели за столами. В этот момент я на несколько минут потерял над ней контроль и именно потому через пару часов очутился в Южном Бронксе.

Я вошел с ней в стеклянный ящик. Хотя я очень жесткий человек, в моих отношениях с женщинами я обычно не позволяю им садиться мне на голову, – я, помимо моей воли, вошел. Минутная слабость.

Она заказала все, что бросилось ей в глаза, половина еды потом осталась нетронутой. Ограничивать женщину я всегда считал унижительным, винить ее было глупо, красивая пизда напилась, «мы гуляли». Объяснять ей, что у меня осталось не так много долларов и что никто не станет мне обменивать французские франки здесь, в ресторане, мне не хотелось... К тому же в ее состоянии она вряд ли была способна понять состояние франка. В конце концов, ничего страшного не происходило, по моим подсчетам, американских денег мне хватало, да если бы и не хватало, итальянцы бы взяли остаток франками, – большое дело! Но болезненно гордому человеку, мне было противно просить их метрдотеля, извиняться... Я с отвращением подумал, что из чисто мужской зависти метрдотель или кто там еще... менеджер... обрадуется случаю чуть-чуть унижить меня – хозяина этой расцветшей пизды. Придется извиняться несколько раз. Поэтому я неистово разозлился на пизду, в этот момент впившуюся в бокал с итальянским вином, время от времени она меняла бокал на огромный стакан даблскотча, который заказала тотчас после того, как плюхнулась в плюшевый стул. Я пнул ее под столом ногой...

Денег мне хватило. Осталось даже. Три доллара. Но зол я был на нее невероятно. На истраченные деньги мне было положить, не подумайте, что я жаден. В конце концов, даже только в этот вечер я истратил на нее больше сотни долларов. Меня раздражало то, что пьяная воля этой пизды во цвете лет возобладала над моей волей. Я ненавижу, когда за меня решают, куда мне идти и что делать. Да. Как абсолютный эгоист и доминантная личность. В другой момент, не будь я так возмущен, я бы спокойно объяснил ей только что счастливо разрешив-

шуюся ситуацию, я не стесняюсь говорить с женщинами о своих финансовых проблемах. Я горжусь тем, что я писатель, всякий день борющийся за свое существование. Но я был очень зол, и когда она, выйдя из ресторана, бросилась на середину улицы с протянутой рукой, остановила такси, я с ней ехать отказался. И уж совсем не из-за того, что трех долларов было явно недостаточно, чтобы доехать до ее, у черта на рогах, на Вашингтонских высотах находящейся постели. Нет. У нее были деньги, очередной бизнесмен оплачивал ее жизнь, на ночном столике валялись стодолларовые бумажки и купюры помельче, я видел, но волна злобы к блондинистой пизде, вовсе не желающей думать обо мне и моих проблемах, захлестнула мне глаза. Я простился с ней коротко и резко на углу Лексингтон и 64-й улицы и ушел.

«Сука! – ругался я вслух. – Тунеядка ебаная!» Я, борющийся с нуждой писатель, должен платить за набитие ее желудка теплым месивом еды. Какого хуя? А почему не она? Она пиздой зарабатывает куда больше, чем я с помощью пишущей машинки. И, наверное, это не всегда ей неприятно. Она сама рассказывала мне, что ее теперешний содержатель-бизнесмен, хотя и простоватый мужик, но относится к ней нежно, заботится о ней, ему 55 лет, и он крепкий и стройный. Почему она меня не спросила, эта блядь, достаточно ли у меня денег? Я бы отказался от ее денег, я люблю платить и плачу всегда, но она хотя бы спросила, проявила заботу. Почему я должен унижать себя устными подсчетами вместо того, чтобы наслаждаться, как это делала она, моим филе?

Я, уже было свернув на Ист, в сторону браунстоуна¹ моего бывшего босса, вдруг подумал, что поеду сейчас туда, к ней, и если вдруг у нее кто-нибудь есть, а у нее, наверное, кто-нибудь есть в постели, я... Тут воображение мое нарисовало мне сцену дикого разгрома, страшной драки, убийства, может быть, а закончилось все это видением меня, ебущего эту непослушную блядь, неудобно распиная ее на ее удобной кровати. И я, отворотив свое лицо от Иста, спешно направился на Вест – на 59-ю улицу и Коламбус-Сёркл, чтобы сесть там в поезд, идущий к ней. Удовлетворить свои страсти.

Это был первый и последний раз, когда я ехал на ее Вашингтонские высоты в сабвее. На станции было, конечно, душно, грязно, противно и мрачно. Было полно шпаны, в основном черной, и других отребьев человечества, как то: психически больных, просто злых и бедных людей, какое-то количество незлых, но уродливых людей, множество индивидуумов плохо и глупо одетых, – и в результате мне, только что явившемуся из Европы и отвыкшему за год от этого вполне типичного нью-йоркского зловещего маскарада, казалось все время, что меня окружает банда монстров. Толпа монстров.

Был уже второй час ночи, и только вдохновенная злость, смешанная с похотью, да ключи от квартиры уехавшего друга в кармане заставляли меня стоять в зловонной пещере сабвея и ждать поезда. Наконец, во втором часу ночи появился с годзилловым² шумом поезд. Я, выпив за вечер не то 11, не то 12 бокалов «Блади-Мэри» и несколько бутылок вина и, может быть, еще чего-то в промежутках, не помню, был, как вы понимаете, в несколько экзальтированном состоянии. Пьян я не был, но мыслил неряшливо, руководствовался скорее чувствами, чем рассудком.

Вышел я из поезда-экспресса минут через 35, на... да, на 175-й улице. Но, выйдя из зассанного подземного вестибюля станции на улицы, я не узнал места, где нахожусь. Дом моей подруги был недалеко от станции сабвея, и хотя, как я уже говорил, я никогда не ездил к ней в сабвее, окрестности я более или менее знал. Передо мной были не те окрестности. Не тот пейзаж, не те дома, не те линии крыш, все совсем не то. Куда темнее и хуже.

¹ Brownstone – здание из красного кирпича, особняк (англ.).

² Годзилла – ящер-чудовище, персонаж японских комиксов. Дружественный людям ящер Годзилла спасает человечество от злых ящеров.

Я поднял голову и посмотрел на табличку с наименованием улицы. «Ист 175-я» – значилось на ней. «Ага, – подумал я. – Ист 175-я. Мне же нужен самый Вест 175-я. Раз у самой Хадсон-Ривер и Вашингтонского моста живет Стеси, следовательно, это Вест 175-я...» И я, перейдя какую-то большую и темную авеню, отправился в ту сторону, где, по моим расчетам, я должен был через некоторое время найти Вест 175-ю.

Я прожил в свое время в Нью-Йорке пять с половиной лет. Я думал, я знаю все об этом городе, я исходил его пешком весь вдоль и поперек. Во всяком случае, мне думалось, что весь. Но я заблудился.

На следующий день, когда я посмотрел на карту Большого Нью-Йорка, я увидел, насколько я был глуп и самонадеян. Ист и Вест на уровне 175-й улицы разделяют мили. И теперь я уже знал, что это мили разрушенных кварталов. Мили брошенных, необитаемых или едва обитаемых, с выбитыми стеклами, сожженных домов. Сталинград 1943 года, оказывается, был впереди. И я, ничего не подозревающий, бодрой походкой сильного человека, бывший когда-то давно вор и грабитель, а ныне писатель, крепкий мужик в белом пиджаке, с пакетом денег и документов, углубился в военную зону.

Можно быть как угодно tough – быть крутым мужиком и иметь криминальное прошлое, но оказаться в белом костюме и белых сапогах там, где я вышел из сабвея, а через час и в Южном Бронксе, куда я пришел, заблудившись, не входило в мои планы. Даже и с револьвером в таком месте, я думаю, невозможно чувствовать себя в безопасности. Какой револьвер, когда тебя просто забросают кирпичами! С утра до встречи со Стеси я успел съездить в Иммигрэйшен Сервис в даунтауне³, потому у меня и оказались с собой все документы. Французские же деньги я просто забыл утром вынуть в спешке из пакета, разумеется, проспав и опаздывая в Иммигрэйшен.

Горелый, вонючий ветер задирает полу моего пиджака. Было не темно, ночь была лунная, но было мрачно, совсем безлюдно, лишь изредка сильный ветер вдруг вышвыривал из-за угла растрепанную газету, или даже банку из-под кока-колы, или выкатывал бутылку. Я уверенно пиздовал по, как мне тогда еще казалось, 175-й улице на Вест. Внезапно улица оборвалась и вкатилась в другую, которая подымалась куда-то во тьму, вверх и налево и, увы, не имела номера, но имела название. Я решился и пошел по этой улице, а надо было бы мне вернуться обратно к сабвею и уехать подобра-поздорову. Мы часто не знаем значения наших поступков, пока не увидим последствий. Я сделал выбор. Приближались последствия.

Через полчаса мне все стало ясно. Населенные места вовсе кончились, и теперь я шел неизвестно куда, вдоль домов-развалин, из дыр которых зловонными потоками вылились на тротуар груды битого кирпича, горелой мебели, мусора и неопределенных кусков чего-то, подозрительно похожих на расчлененные трупы. Под каблуками моих белых эстетских, оскар-уайльдовских сапог непрерывно хрустело стекло. Тряпки, банки, бутылки, кости животных... «А может, и человека...» – с удивившим меня самого черным юмором подумал я. Море разливанное мусора оставляло только небольшую часть тротуара свободной для пешеходов. Впрочем, пешеходов не было. Может, это их кости белели в мусоре.

Откуда-то из развалин я порой слышал звуки музыки... Несколько раз и шумы больших человеческих сборищ и ссор донеслись до меня изнутри необитаемых с виду коробок... Хохот... Пару раз я видел пылающие в развалинах костры... Но по-настоящему я испугался в первый раз, когда увидел темную фигуру человека.

Впрочем, я тут же с облегчением вздохнул, тень была сгорбленной, человек опирался на палку, он был стар. Старик, как это ни странно выглядело, выгуливал собаку во впадине, заваленной песком и мусором, кое-где поросшей темной и жесткой травой пустырей. Впадина напоминала воронку, образовавшуюся от взрыва огромной бомбы, или же котлован, вырытый

³ Down-town – нижний город. Деловая часть города в американских городах (англ.).

для постройки дома очень-очень давно, да так и забытый котлован. Старик-тень увидел меня раньше собаки, он повернулся и уставился на меня, а уж потом без энтузиазма два раза тявкнула его псина. Я даже не видел лица старика, но, конечно, он смотрел на меня – привидение в белом. Я подумал, что сейчас он позовет на помощь других стариков или, того хуже, нестариков, и они со мной расправятся.

И тут я совершил то, чего уж никак от себя не ожидал. Я положил свой пакет на груды кирпичей, повернулся в сторону старика, расстегнул штаны, вынул член и стал не спеша писать. Длительно и церемонно я орошал пустырь этой руками человека созданной пустыни на глазах у одного из ее бедуинов.

Теперь мне понятно, что я поступил тогда гениально просто, по-собачьи инстинктивно. С одной стороны, старику стало ясно, что я не боюсь его и кого бы то ни было вокруг, раз так спокойно писаю. Кроме того, сам акт мочеиспускания был актом дружелюбным, мирным, я как бы завил хвостом в сторону старика.

Пописав, я застегнулся, взял пакет и пошел своей дорогой не торопясь. Я размышлял. Дела мои были хуевые, я находился в самом опасном месте Большого Нью-Йорка и был в своих белых тряпках совершенно беззащитен. Нужно было выработать манеру поведения. «Если ты, Эдвард, будешь торопливо метаться по пустым черным улицам, кто-нибудь обязательно тебя увидит, поймет по твоей испуганной торопливости, что ты чужой, и или убьет тебя, или ограбит догола, или кто знает, что сделает. Отрежет тебе руку, или ногу, или член. Что в голову придет аборигенам этой каменной страны, недоступной и воображению маркиза де Сада, то они с тобой и смогут сделать, после несложной, но приятно возбуждающей несколькоминутной охоты на тебя».

Как бывалый и практичный солдат, я пришел к выводу, что самое разумное, что я могу сделать, – это идти не торопясь, делая вид, что я здесь по делу. Откуда «им» на хуй знать, может быть, я гуляющий здесь для своего удовольствия извращенец-мафиози, а машина ждет меня за углом. А может... ничто другое в голову не приходило, посему я остановился на образе мафиози, приехавшего сюда совершить обмен двадцати килограммов героина на соответствующее количество миллионов долларов в старых мелких банкнотах.

Все это было смехотворно, но я себя таким образом успокоил. Если не на 100, то хотя бы на 50 процентов. И когда я еще несколько раз встретил в руинах двуногого зверя-человека, я справился со встречами молодцом. Я шел такой развязной походкой, помахивая своим пакетом, кокетливо даже (тут я вспомнил, что меня много раз до этого в Нью-Йорке принимали за итальянца) и с таким видом ступал по битому стеклу, будто знал тут всякий камень и собирался через мгновение нырнуть в следующий темный провал в стене обгорелого здания, а уж там меня ждали мои до зубов вооруженные ребята. Тени аборигенов прошли, даже не окликнув мой белый пиджак. Может быть, они, да, думали, что я мафиози, а может, марсианин, а может, мэр Кач⁴.

Основной проблемой, после того как я достиг нужного спокойствия и по системе Станиславского убедил себя, что я и есть мафиози Лимонов, «каппо ди тутти» всех других мафиози, было понять, в каком же направлении идти. Останавливаться было нельзя, из сотен обгорелых, без стекол окон за мной могли наблюдать. Потому я шел не спеша, стараясь придать своему движению подобие порядка, хотя бы стараясь идти приблизительно в одну сторону. Один раз, когда дома вдруг оборвались, передо мной появился дряхлый каменный мост, туго затянутый в никем не используемые одеяла тоннелей, и я прыгнул, без страха и упрёка рыцарь Лимонов, в это каменное и металлическое месиво. Мне показалось, что я понимаю, где я нахожусь, что передо мной «Через Бронкс» экспрессвей.

⁴ Мэр Нью-Йорка Эдвард Кач.

Может быть, это он и был, но, перебравшись на другую сторону, я нашел то же самое – мрачную перспективу уходящих вдаль разрушенных каменных коробок, и я пошел по самой широкой из каменных клоак, надеясь, что она меня куда-то выведет. К живым районам. Мне казалось, что я, да, приближаюсь к Весту... В то же время я шел по каменной пустыне и чувствовал себя солдатом, бегущим в атаку по открытому полю. Не за что было спрятаться. На удачу бегущего. Убьют... не убьют? Я физически как бы видел со стороны мой виляющий по проспекту Дьявола белый пиджак, свою белую уязвимую спину.

Впрочем, я не совсем справедлив к этому незабываемому ландшафту. Должен отметить, что несколько раз мне попадались дома, показавшиеся мне если не полностью, то хотя бы частично обитаемыми. У одного из таких домов я даже высмотрел несколько подозрительно ухоженных невысоких деревьев. Но одинокий путник предпочел не стучать в немногие целые стекла этих жилищ, догадываясь, что едва ли лучшие люди каменных джунглей, живя здесь, могут сохранить в целостности свои стекла. Скорее, самые отважные могут сохранить. А их-то, отважных, я и боялся.

Вдруг сзади заурчал мотор. Я повернулся и увидел ползущий по другой стороне улицы полицейский автомобиль. На меня вдруг пахнуло от автомобиля маем, а ведь был май, маем и жизнью. Я подумал с наслаждением о путешествии в Грецию, которое я еще смогу, пожалуй, совершить, если подымется вдруг франк. И я побежал через дорогу к полицейскому автомобилю, приветственно махая руками...

Хуя... Они не только не остановились, они нажали на педаль газа. Понимая, что это, может быть, единственно возможный корабль, проплывающий мимо меня, потерпевшего кораблекрушение, я понял, что терять мне больше нечего, и заорал: «Полис! Полис!», но только мигнули огоньки на повороте.

Тогда я не стал размышлять о причинах, побудивших блюстителей порядка не остановиться на призывный крик человека в белом костюме в четыре часа утра на улице Южного Бронкса. Может, они поняли, что я не мафиози, и прониклись любопытством: «А вот интересно, пришьют аборигены этого интеллигента, одетого как фагот⁵, или доживет до утра?» Экспериментировали ребята, дабы выяснить степень криминальности своего района еще раз. Возможно также, что полицейские вместе со мной решили, что я мафиози, и уехали поспешно, опасаясь подвоха, скажем, того, что я вдруг швырну в них гранату... Тогда мне было не до причины. Все эти гипотезы пришли мне в голову уже на следующий день.

Автомобиль полиции еще укатывался за угол, а я уже обладал идеей спасения. Я решил найти телефон и вызвать такси. Я почти понимал всю нереальность моей идеи, но я хотел жить. Поэтому я быстро поверил и в телефон, и в такси. И уже стал размышлять над тем, сколько же мне нужно будет заплатить шоферу французскими франками... В три раза больше? Все знают, что франк падает, к тому же шоферу придется истратить некоторое время на процесс обмена франков на доллары, я это учитывал. Но человек – ужасное животное. Даже в минуты опасности я не поднялся в своей щедрости выше, чем «в три раза больше».

Все на той же графической планерной перспективе, будто расчерченной рукою де Кирико, но необычно мрачного де Кирико, я попытался найти телефон. Увы, даже в нормальных районах Манхэттена иной раз нелегко найти работающий аппарат, здесь же счастье, естественно, не улыбалось мне очень долго. Полчаса уже шагал очарованный странник в белых сапогах, поскрипывая битым стеклом, как вдруг... БАР, работающий бар. Протер глаза... нет, не мираж – бар среди развалин.

На свои три доллара странник мог бы получить хорошую порцию скотча, а то и две, это же был не бар на Пятой авеню, но странник не зашел в бар, он обошел его, как очаг чумы, и все потому только, что был неподобающе одет – белым ангелом, в то время как аборигены

⁵ Гомосексуалист.

придерживались совершенно другой моды. Обойдя бар, странник заметил приютившийся у края тротуара телефон на металлической ноге. И он, о чудо, работал. От трубки воняло блевотиной, диск поворачивался с трудом, но установилась связь с миром. «Доброе утро! – сказал оператор. – Как я могу помочь вам?»

Я совершил три телефонных звонка – три подвига, все время ожидая, что не доживу до следующего, что кто-нибудь, вынырнув из развалин, прирежет меня тут же. Без слов. Без объяснений. Я знал, что эти люди имеют неудобную для странников привычку убивать и за три доллара.

Поприветствовав меня, оператор сообщил мне сразу же два номера, по которым я мог связаться с радиотакси. Я набрал один из номеров, и энергичный хриплый голос, также поздравив меня с добрым утром, сказал, что, конечно, они меня повезут. «Но куда?» – спросил он. Я сказал, что на самый Ист-Сайд 57-й улицы должны они меня отвезти. Я не хотел уже ехать на Вашингтонские высоты, пропади они, бля, пропадом. Даже их спокойное еврейское население уже не устраивало меня, я хотел после этой вынужденной зловещей Хэллоуин-парти⁶ с двух до пяти утра плюхнуться в атмосферу таунхауза, принадлежащего миллионеру, в чистое, красивое здание, в белую апперклассовую постель нырнуть, в отведенную мне на четвертом этаже гостевую комнату хотел я.

Когда голос спросил меня, откуда я еду, я ответил ему, что нахожусь на улице и что пусть он подождет минуту, я посмотрю, на углу каких улиц я стою. Я оставил трубку висеть на шнуре, отошел, посмотрел и моментально сообразил, что никакое такси сюда, на фронт, не поедет. Нет. Но я, конечно, вернулся и безвольно сообщил голосу, что я стою на пересечении 146-й улицы и Уайт-стрит, а совсем недалеко проходит Джером-авеню. Только в этот момент, произнося названия улиц вслух, я полностью сообразил, что нахожусь в самом сердце Южного Бронкса, что хуже не бывает.

Хриплый голос едва заметно запнулся, но профессионально-привычно совладал с собой и сказал, что такси прибудет через десять минут. С таким же успехом он мог просто послать меня на хуй. Когда я вешал трубку, я знал, что не будет такси и через час. Никогда не будет. Но я все-таки подождал еще полчаса, осторожно войдя в развалины. Присел там на свой пакет, так сел, чтобы было видно улицу, а меня с улицы не видно, и подождал.

Через полчаса я совершил еще один звонок. Хотя и через силу, но я заставил себя позвонить зеленоглазой бляди Стеси.

– Да... – медленно выдохнул сонный голос, было слышно, как она там зашевелилась.

– Это я, – сказал я.

– Ты где? – спросила она лениво.

– На углу 146-й и Уайт-стрит, – сказал я. – Я заблудился.

– Хочешь, приезжай... – зевнула она словами и еще раз там опять повернулась. Она любит спать, закутавшись в простыню и одеяло, но чтоб овальной формы красивейшая ее жопа торчала наружу.

Я бросил трубку и пошел, постукивая каблуками по уже обыкновенному мрачному ландшафту современных готических романов, куда глаза глядят. Позвонив ей, я хотел попросить ее взять такси и приехать подобрать меня на угол 146-й, но мне стало вдруг необыкновенно противно... Противно от ее блядской сытости, от ее сонного голоса, даже от того, что она продает свое тело, хотя раньше мне это обстоятельство даже нравилось и, уж во всяком случае, меня возбуждало. Раньше в наших любовных играх, когда я, подминая ее под себя, ебал ее, якобы беспомощную, я воображал, что я ее использую. Грубо и жестоко использую для удовлетворения своего сексуального аппетита. Своей похоти. Теперь же я увидел, что это она меня использовала и при этом, очевидно, даже всерьез меня не принимала... Это я ее обслуживал... Сука!..

⁶ В день поминовения мертвых устраиваются маскарадные шествия, где маски смерти и чудовищ преобладают.

Может быть, от злости, но мне вдруг повезло – я вышел к сабвею. Поднявшись по ржавой лестнице на эстакаду, вошел в станцию, похожую на огромный сарай. Даже, впрочем, уже не обрадовавшись, что нашел сабвей.

Почти белый человек испанского типа чинил, разобрал его до винтиков, турникет. Я спросил человека, как мне добраться до 57-й улицы и Ист-Сайда.

– А как ты попал сюда, мэн? – спросил человек удивленно, оторвавшись от своих отверток и гаечных ключей и оглядывая меня – белого ангела.

Я объяснил ему, что сел не на тот поезд. Хотел попасть на Вашингтонские высоты, а попал... в общем, поведал ему свою историю в нескольких словах.

– И ты пришел пешком от 175-й Иста – сюда?.. – воскликнул человек. – И тебя не ограбили?.. И остался жив... Lucky man, – добавил он с уважением к моей удачливости.

Сменив несколько поездов, уже к рассвету я наконец, обессиленный, ввалился в миллионерский особняк, открыв дверь выданным мне ключом. Я направился напрямик в кухню, достал из бара бутылку «Джей энд Би», стакан и поднялся на второй этаж в ТВ-комнату. Там я поставил в видеомашину первую попавшуюся кассету и стал смотреть «Желтую подложку» «Битлзов», оказавшуюся на кассете.

Долго я, впрочем, не выдержал этот сироп на экране. Слишком большая порция любви, источаемая «Желтой подложкой», вдруг сделала для меня фильм необыкновенно противным, и я со злобой выключил ТВ. «Love! Love!» – передразнил я. «Хорошо, обладая миллионами, пиздеть о любви, отгородившись от этого мира любовью – десятью процентами из прибыли, отдаваемыми на благотворительные цели... Love... Ни жители Южного Бронкса, ни даже я с моей 21 тысячей франков не можем себе ее, Love, позволить. Ебал я вашу любовь, ебанные ханжи, "Битлз!"» И я, допив бутылку, уснул в кресле.

Американские каникулы

Очевидно, прожить жизнь так, чтобы никого не обидеть, невозможно. Я обидел в свое время немало людей. Я уже обидел несколько прототипов, личностей, послуживших мне прототипами для героев моих книг, они уверены, что они на самом деле совсем не такие, какими я «их» изобразил. Одни обещают меня убить, другие – подать на меня в суд. Прототипы помягче грозятся просто избить писателя.

Еще я обидел множество женщин. Одна женщина очень обидела меня в этой жизни, и несколько обидели меня несерьезно. Зато я обидел целый батальон женщин. И наверное, придется обидеть еще столько же.

Сегодня я получил письмо из маленького городка в Калифорнии – сухой ответ на мою новогоднюю открытку. Среди десятка аккуратных, но злых строчек были и следующие: «Катрин сообщила мне, что ты не писал, потому что не хотел давать мне "ложных надежд". Не беспокойся, у меня нет никаких надежд по отношению к тебе, и я, представь себе, очень-очень счастлива в эти дни, счастливее, чем в целые годы».

«Эй-эй, легче, пожалуйста, – подумал я. – Легче. Что я тебе сделал? Обокрал? Ну счастлива, я рад. Я вот, к сожалению, все еще несчастлив».

Я попал в небольшой приморский городок в Калифорнии случайно. Так же случайно я уже попадал в него до этого два раза – в 1978 году на несколько часов только и в 1980 году я переночевал в этом городке две ночи. Может быть, все запрограммировано «у них» там где-то в самом большом компьютере, вместе с конструкциями слона, кита, с генетическим моим кодом вместе запрограммирована и моя судьба, и где и кого мне следует встретить, и в какой городок или столицу приехать.

После интернациональной литературной конференции в Лос-Анджелесе, оставив позади, нужно признаться, с некоторым сожалением, отель «Хилтон», профессоров и литературных «группы», я вместе с двумя приятелями-писателями от нечего делать – впереди было целое лето, деньги у меня были – удалялся в автомобиле на север.

Было чудесное майское утро, солнечная Калифорния была солнечной, в открытое окно автомобиля врывался дикий ветер, сметая даже мой упругий армейский ежик, и жизнь была на подъеме. Тогда же, в автомобиле, я выкурил последнюю в жизни сигарету и выбросил окурочек в окно, чего в пересушенной Калифорнии, с ее частыми пожарами, делать нельзя. 500 долларов штраф. Бросил курить от избытка чувства жизни. От избытка счастья этим майским днем. И не курю до сих пор.

Спустя, кажется, семь часов мы оказались в этом городке. Было уже темно, так как по пути мы останавливались часа на два пообедать в немецком ресторане. Минут через несколько после того, как мы съехали с хайвея номер пять, луч наших фар при повороте вырвал из темноты испуганно застывшее у зеленой изгороди чье-то дома небольшое грациозное стадо оленей...

Один из двух писателей уже полгода жил в этом городке, но остановиться всем нам в тесной квартире, которую он снимал, явно было бы стеснительно – пришлось бы спать на полу, посему мы, выпив лишь по бокалу вина в его жилище, опять загрузились в машину и отправились к одной из его знакомых, дабы разместиться там на ночлег.

Все эти размещения и передвижения будут скучны тебе, читатель, ты сотни раз уже читал, наверное, как разъезжают на автомобилях по Калифорнии писатели или их герои, потому я хотел бы представить тебе лишь самое основное – экстракт происшедшего, то, ради чего я вставил бумагу в пишущую машинку, а именно – мою встречу с Джули, 26, американской девушкой шведско-немецкого происхождения. В результате этой встречи я остался в городке на два месяца и приобрел опыт, которого у меня еще до этого не было, а именно опыт совмест-

ной жизни с необыкновенно «порядочной» женщиной, невероятно положительной, и уравновешенной, и религиозной тоже – в ее апартаменте я насчитал три (!!!) Библии. И, приобретя этот опыт, я стал еще чуть-чуть грустнее.

Рослая, с простоватым, но красивым лицом, с русыми, как мы, русские, говорим, волосами до талии, она вышла ко мне из темноты, буквально из зарослей, и такую, в летнем платье цветами, в платье-сарафане без рукавов, я затащил ее в мою жизнь, а когда она мне наскучила, я выбросил ее из моей жизни одним достаточно холодным утром в конце июля. И я шел по бетонированному полю местного маленького аэродрома, а она стояла в дверях и посылала мне вслед воздушные поцелуи. У нее было растерянное лицо.

У нас, у живых существ, называемых людьми, естественно, все временно. И только степень временности отличает одну связь от другой, встречу и встречу. Некоторые лица остаются в нашей жизни надолго, другие же всего лишь на момент – на ночь, на неделю, на год. Одни лица нам не хочется отпускать, от других мы избавляемся с облегчением, но в любом случае, оглядываясь назад, я вижу, я вдруг понимаю, что жизнь – это очень грустный бизнес.

Я ввалился в ее жизнь вдруг из ночи, с моим большим шикарным европейским чемоданом, пишущей машинкой и сумкой, полной рукописей. Я устроился спать на диване в ее living-рум, не очень спрашивая ее согласия на это, я спал там шесть ночей один. Ровно шесть ночей понадобилось мне на то, чтобы разрушить добродетель лютеранки в 1981 году и перебраться на седьмую в ее спальню. Шесть ночей требуется на то, чтобы взять крепость между ног очень порядочной женщины сейчас, читатель. Я не знаю, много ли это или мало?

Я никогда не воображал себя Казановой, мне девушка, к которой я сам навязывался на постой, понравилась. Сказать, что я сознательно обманул ее, притворился влюбленным, было бы неправдой. Я приехал в Соединенные Штаты после тяжелой, с несколькими депрессиями, зимы в Париже, с твердым решением в ближайшее же время найти себе постоянную подругу жизни. Джули – учительница, только что (в феврале) сбежавшая от алкоголика, с которым она прожила два года, спасая его, – вполне подходила для этой роли. И в конце июля мне все так же было ясно, что она подходила в подруги жизни, как никакая другая женщина. Это я не подходил.

Шесть дней я вел себя примерно. «Примерно» – не то слово. Я был мужчина из мечты. Я был взрывчато весел, остроумен и прост. Я настаивал на том, чтобы в каждый ее ланч мы отправлялись бы ланчевать в новый ресторан. Обедать мы также отправлялись в рестораны, и хотя Джули время от времени смущенно указывала мне на то, что я трачу слишком много денег, я, энергичный, шумный и светский, загорелый, в белом пиджаке и белых туфлях, – «парижская штучка», как выражались старые русские писатели, медленно, но наверняка шесть дней и ночей разъедал волю суровой протестантки.

Опасный писатель, аморальный вертлявый типчик из Европы, зараза с парижских тротуаров вдруг повернулся, окрутился вокруг себя и превратился в соседского парня, с которым пьют пиво, сидя на ступеньках крыльца, или переговариваются через хорошо подстриженные кусты, разделяющие два калифорнийских или висконсинских дома. Я старался быть простым и понятным.

Когда на третий день нашей совместной жизни она, зашнуровывая сникерс, объявила, что отправляется бегать, я, тотчас же собравшись, радостно взялся бежать с нею, хотя до этого ни разу в жизни не бегал и в апреле в Париже перенес операцию сосудов на правой ноге, а на левой у меня до сих пор смещена коленная чашечка. Я не только бодро и энергично пробежал с ней несколько миль по красивой дороге, по самому берегу океана, но после пробега вдруг оказалось, что она обычно бегала намного медленнее, чем со мной.

Когда мы оба, обливаясь потом, закончили наш пробег у окрашенной в ядовито-желтый цвет водоколони, я, взглянув на физиономию моей новой подружки, понял, что совершил необыкновенно верный ход. Мои акции подпрыгнули сразу на несколько пунктов. Писатель

из Парижа оказался не избалованным педерастом, а настоящим мужчиной. Джули даже вдруг поймала меня за руку и дружески сжала ее. Так мы и шли домой, взявшись за руки, отдуваясь и весело разговаривая. И весь обратный путь среди дюн и сосен я ловил на себе ее взгляд, выражающий ласковое уважение. И удивление.

В первый раз в моей жизни у меня было достаточно денег на все лето. Я продал издательству «Альбан-Мишель» в Париже «Дневник неудачника» и мог позволить себе жить на 1000 франков в неделю. Невероятное достижение для только что вырвавшегося в писатели интернационального траблмэйкера. Бюрократу, преспокойно получающему 100 тысяч долларов в год, не понять моего тогдашнего приподнятого настроения.

На пятый день я поехал вместе со своим другом-писателем и его женой посмотреть себе квартиру. Я решил остаться в городке, таком мирном, полном ушедших на пенсию военных и бизнесменов или их вдов, сосен, можжевельника, запрещенных к уничтожению тюленей в океане, оленей на улицах, пышных мексиканских кустарников с огромными цветами и каких-то зверюшек из породы полусусликов-полубелок, разрывших своими норами все побережье. Я хотел остаться и пожить здесь некоторое время и днем ходить к океану и лежать на скалах или, имитируя чужое детство, выковыривать крабов из расселин.

Выяснилось, что квартира, в которой мне придется жить, находится под самой крышей, и посему там, естественно, было очень жарко, несмотря на уверение хозяйки, что прежний ее жилец забыл выключить батарею отопления. Кроме того, хозяйка хотела иметь секьюрити – деньги за два месяца вперед, плюс еще деньги за что-то, что я предположительно могу испортить в ее доме. Мне суммы, упоминаемые ею, совсем не подходили, так же как и температура под крышей. Я выпил вина с приятелями, после чего они отправились, дружная спортивная пара, играть в теннис, а я, побродив немного у океана, вернулся в свое временное пристанище.

Учительница моя еще не пришла из школы, потому я от нечего делать углубился с опаской в одну из ее Библий. Из библейских персонажей меня больше всех интересовали, естественно, блудницы, и я всерьез занялся изучением истории Марии Магдалины. За чтением Библии и застала меня Джули. И я предполагаю, что это был второй вернейший удар по ее добродетели. Она увидела, что я не безнадёжен и еще, может быть, не поздно спасти мою душу. Что может быть благороднее – спасти чью-то душу. Особенно такую трудную душу, как моя. На следующий день Джули починила цепочку на моем крестике, и, до того бессмысленно возимый мною пять лет в чемодане, он опять появился на моей груди.

Я забыл объявить, что я, конечно же, предложил ей заняться любовью в первую же ночь, проведенную мною в ее доме. Она тогда испугалась, а я понял и не настаивал. Джули поняла, что я понял, и, очевидно потому, что была в тот период очень одинока, пробормотала нечто смущенное о том, что слишком мало меня знает, совсем не знает, оставив все-таки мужчине (мне) надежду. И себе, как я понимаю, тоже. «Кто знает, – очевидно, подумала она, – вдруг эта личность окажется не так плоха, как мне говорили». Тогда я все-таки извинился перед Джули, сказав, что, конечно, злые люди и жизнь приучили меня к этой нехорошей привычке сразу же звать девушек в постель, а вообще-то я хороший.

Все шесть дней я стоял на голове в буквальном смысле этого слова. Каждое мое действие, каждая сказанная мною фраза были направлены на то, чтобы покорить сердце и добиться тела моей благородной квартирной хозяйки.

Я каждый день пил. Я пил с утра, но на калифорнийской здоровой земле в мае все выпитое мгновенно перегонялось моим организмом в прекраснейшее возбужденное чувство жизни и в сексуальное желание. После сложно-серого Парижа, его тонкогубых суровых женщин, хмурых музеев, памятников и монументов, зимы Калифорния швырнула мне в лицо дикие букеты, швырнула запахи, и, проходя каждый день мимо кладбища к океану, я замечал почти домашний, маленький желтый бульдозер, при помощи которого местные жители выкапывали жилища

для своих усопших. «Помни о смерти, Лимонов, и живи, не теряя времени», – возглашал бульдозер. Судя по некрологам в местной газете, бульдозер работал не часто и без особой печали. Средний возраст усопших в этом городке был (я подсчитал) 86 лет. На бульдозере обычно сидели яркие крупные бабочки...

На шестой день мне вдруг сделалось грустно. Закономерное явление. Три недели я уже пил на территории Соединенных Штатов, должна была наступить, наконец, алкогольная депрессия. Зная это и опасаясь этого – бывали времена, когда я при наступлении подобной депрессии проводил несколько дней в слезах, – я уже к ночи потащил Джули в дорогой ресторан у самого океана – что угодно, но сбить ритм депрессии, как бы переменить ногу, пойти в другом темпе, чтобы не развалился под ротой мост. «Все шагаем не в ногу, – объявил я себе. – Посмотрим, что получится».

Джули надела черное платье без рукавов, черные туфли на высоких каблуках, а волосы заколола вверх пышным шиньоном. Выглядела она здорово, ей-богу, как киноактриса, может быть, как Ингрид Бергман в молодости. Кое-что в ней было провинциальным – например, ее темный строгий «учительский» пиджак, который она набросила поверх платья, – калифорнийские ночи в мае в этом месте достаточно холодны, и слишком робкое выражение лица, но пиджак можно убрать и выражение лица изменить.

Она была лучше всех в этом ресторане. Не знаю, был ли я лучше всех, но уж, во всяком случае, я был цивилизованней всех, без сомнения. Когда мы сидели в баре, я со стаканом двойного «Джей энд Би», она с мартини, я чувствовал себя Джеймсом Дином, а когда нас усадили за столик к окну, выходящему на темный, освещенный большой луной океан, я почувствовал себя старше – Хэмфри Богартом. Весь этот вечер и потом ночь и следующее утро имели несомненный оттенок кинематографичности в себе, и так я смотрел все это время на себя и Джули, как на персонажей романтического кинематографа.

Все атрибуты кинематографа были налицо. Задник – фон, конечно же, был занят океаном, ровным и гладким подлунным океаном самого высокого ночного майского качества. Ближе к зрителю был выдвинут стол с белоснежной скатертью и розой в хрустальном высоком бокале. Роза была не какая-нибудь захудалая городская роза, нет, я был уверен, что здоровую розу эту вместе с другими розами только несколько часов назад, может быть, срезал в своем саду один из официантов или даже сам рослый менеджер. Они были на это способны, персонал ресторана сразу же показался мне серьезным и преданным своему ресторанному делу. По обе стороны от стола в профиль к морю сидели я и Джули, оба очень важные, но естественные.

Мне грустно, читатель, что люди, мужчины и женщины, не могут наслаждаться моментами жизни, полно и прекрасно вбирая в себя всю радость момента.

В тот вечер она мне была нужна так же, как я ей, и это не имело ничего общего ни с нашим будущим, ни даже с тем, как мы друг к другу относимся. Наверное, с убийцей, только что отправившим на тот свет дюжину женщин и детей и только переодевшимся и принявшим душ после этого, тоже возможно счастливо и прекрасно сидеть в десять часов по калифорнийскому времени в самом дорогом в городке ресторане и пить шампанское, которое тебе тотчас опять наливают, едва ты пригубишь бокал, вынимая бутылку из серебряного ведерка со льдом, стоящего на специальном столике рядом. Да, возможно, и с убийцей, если детали вечера плотно приходятся один к одному и кубики складываются в картинку.

Я заказал французское шампанское, чтобы все было безукоризненным, если уж все так красиво-кинематографично складывается, то почему не подыграть чуть-чуть розе и океану.

Говорили ли мы о чем-нибудь специальном? О да. Она, смущенно посмеиваясь, объявила, что будет очень-очень пьяной после этого шампанского и мартини, которое она уже выпила, шампанское всегда делает ее пьяной.

Я рассказал ей о своем грубом детстве и о том, как много водки я выпивал. Я хвастался, но и она, и я понимали, что именно так я и должен говорить, что такая моя роль – писатель,

поднявшийся из низов, из гущи народа. Я понимал, что быть писателем из низов так же вульгарно, как быть писателем из верхов, но что я мог сделать, журналисты и издатели, и даже читатель, настаивают на том, чтобы писатель имел биографию. Что до меня, я предпочел бы не иметь официальной биографии или иметь их полдюжины на выбор, факты ведь всегда можно представить по-разному, и потому все шесть в совокупности будут более правдивы, чем одна.

Джули слушала меня с понимающим и сочувственным лицом, но вдруг остановила, чтобы сказать, что она очень благодарна мне за этот вечер. На что я совершенно честно сказал ей, что и я очень благодарен ей за этот вечер. В рестораны мы ходили каждый вечер, как я уже говорил, но никогда не было еще так кинематографично, так ясно все, так четко, так «классно». Может быть, тому помогла моя нервность, мой настоящий страх перед алкогольной депрессией, которая мне грозила, но внезапно мы ясно и высокопрофессионально играли кусок жизни, одновременно понимая, как мы высокоталантливы сейчас, и радуясь этому.

Далее были всякие приятные мелочи: половинки лимонов в сеточках, поданные, чтобы их выдавливали на саймон-стейк. Почему-то я с удовольствием воткнул в свой осеточенный лимон вилку. Может быть, удовольствие проистекало и от того, что я знал, как поступить с лимоном наилучшим образом. Парижская школа и поедание устриц с некоторым количеством хорошо воспитанных женщин пошли мне на пользу.

После французского шампанского я пил французский коньяк. Джули сидела передо мной, крупная, чуть смешная, радостно сверкая глазами и смущенно улыбаясь, как девочка, рассказывала о своем отце и о том, что ее алкоголик-супруг был похож на ее отца. Все, что было грустного в ее жизни, казалось теперь смешным.

Выходя из одного киноэпизода в другой, я вынул из чужого бокала на чужом столе белую гвоздику, не розу, и вколол ее в петлицу своего пиджака. Обнялись мы еще на ступеньках и, обнявшись, пошли, не сговариваясь, к пустому пирсу, где в дневное время в хорошую погоду причаливает прогулочный катер. Залитый асфальтом и поверх асфальта – луной пирс был пуст, и из нашего ресторана, хотя официально он уже закрылся, доносились звуки вальса. Не говоря ни слова, мы подали друг другу руки и стали танцевать...

О, у человека не так много выбора, потому мы могли или игнорировать прекрасный и слегка грустный вальс, или танцевать. Вот мы и танцевали, и, чувствуя, что танцуем мы как бы на киноэкране, я не только не терял от этого ни единой капли удовольствия, но даже это удовольствие увеличилось. Потанцевав, мы стали там же, на пирсе, целоваться. Я все время помнил о моей гвоздике почему-то.

Потом мы поехали домой в холодной машине и по дороге заехали на пустынный, вовсе не обжитой берег океана, и там, при шуме воды – волны плескались в скалы, – мы опять целовались, как американские тинейджеры. Через пару недель, подражая опять-таки американским тинейджерам, я выебал мою подружку в машине, но не тогда.

Вернувшись в дом, в привычную обстановку, мы, однако, посерьезнели. Чтобы сохранить эфирное хмельное настроение вечера, я спешно придумал необходимость выпить и приготовил ей и себе два крепчайших и горчайших ромовых пунша. Выпив их на балконе, все при той же, чуть передвинувшейся только луне и пении цикад, я спешно и заботливо объявил вдруг, что ей пора спать.

Естественно, это была провокация. Я не хотел останавливать Джули, уже на полном скаку летящую туда, куда обычная женщина прибывает в первый же вечер. Но даже рискуя переиграть, я не мог отказать себе в удовольствии немножко ее помучить, немножко ей отомстить, предоставив ей самой выпутаться из ситуации. Нежно поцеловав ее, я объявил ей, что уже два часа ночи, а ей, как обычно, завтра вставать в семь часов утра. Она не выспится.

Подружка моя растерялась, видя, что я, въедливый и порядочный, начинаю снимать подушки с дивана, на котором сплю, вдруг как бы выйдя совсем в другие отношения. Она пошла в свою спальню, повозилась там минут пять, очевидно, виня себя за то, что она пред-

ставилась мне такой недоступной, слишком неприступной, и не в силах, очевидно, вдруг после романтического, полного музыки и удовольствия мира жить в мире нормальном, вернулась робко в ливинг-рум и сказала:

– Ты не должен больше спать здесь, Эдвард, ты должен спать со мной!

И мы опять вернулись в мир необыкновенного, который по моему хитрому умыслу и покинули-то всего на десять минут. Наглый, я даже позволил себе спросить ее, а уверена ли она, что не совершает ошибки?

Профессионал, я сразу же обнаружил все ее недостатки. Я не утверждаю, что у меня их совсем нет, может быть, она в этот момент подсчитывала мои немногие, но я не думаю. Джули оказалась не развита чувственно, может быть, ее лютеранское воспитание давало себя знать или недостаточное количество любовников. Многие ее движения были беспорядочны, а не подчинены строжайшей дисциплине страсти. Говоря грубее, настоящий профессионал секса всегда знает, куда и зачем направлено всякое его движение. Скажем, я знаю, зачем я вдруг вынул свой член из нее и положил его сверху на ее пизду, – мне хочется почувствовать всю ее пизду сверху, а не внутри, и вовсе не стоит ей, моей партнерше, испуганно тащить мой хуй обратно, я его скоро сам возвращу. Она пугалась, если я вдруг осторожно вкладывал палец в ее другое отверстие, чтобы почувствовать, что я, животное, ебу другое животное, предположительно очень грязное, отсюда и палец в попке (грязное); конечная же цель – возбуждаться еще больше. Она не разговаривала со мной целые сутки, когда я попытался вместо пальца вставить туда свой член. Оказывается, согласно всем ее трем Библиям, – это грех. Я не сказал ей, что некоторые женщины специально просили меня об этом грехе, ограничился замечанием, что я считаю, что все, что происходит между любящими друг друга мужчиной и женщиной, не может быть грехом.

Увы, мне пришлось ограничиться старомодным энтузиазмом по поводу обладания новой женщиной. Энтузиазма хватило до следующего утра, и Джули даже изменила чести и долгу, утром позвонив в школу и сказав, что она заболела. Соврала под воздействием моего энтузиазма и очень по этому поводу переживала. Пели птицы, она счастливо лежала в моих объятиях, и я тихо думал, поглаживая ее большие, спокойные шведские груди, что вот и у меня, усталого путника, есть настоящая – крупная, сильная и преданная – подруга, а не неврастеническое парижское или нью-йоркское существо. «Ну ничего, что кое-где ее нельзя ебать», – думал я совсем не цинично, а просто смиряя себя и свою развратившуюся в долгих странствиях натуру. В конце концов, я хотел от нее, чтобы она стала моей подругой, а не любовницей. Джули робко сообщила мне, что она всегда мечтала не спать с мужчиной всю ночь, но что это ее первая целая ночь без сна. И еще она, стесняясь, добавила, что со мною она впервые почувствовала себя не девочкой, не матерью (матерью она была алкоголику), но женщиной... Воодушевившись похвалой, я подарил ей еще и наверняка запомнившийся день в постели.

И мы стали жить.

Нет, я не «соблазнял» ее, как ей теперь, очевидно, кажется, все мои профессиональные замечания совсем не смешивались с определенным удовольствием, которое я от нее получал. И не имею в виду сексуальное удовольствие, нет. Увы, уже через две недели мое сексуальное удовольствие превратилось в обязанность, которую я не очень охотно, но выполнял с помощью купленной у ее знакомого (она сама отвезла меня на автомобиле) – старого, длинноволосого хиппи – бессемянной, невероятно крепкой марихуаны. Джули, оказалось, никогда в жизни не пробовала марихуаны! Если бы я не знал Джули, я бы не поверил, что калифорнийская девушка ни разу в жизни не коснулась губами джойнта. Ради меня она касалась теперь каждый вечер и один раз утром призналась, что прошлой ночью ей показалось, что я хочу ее укусить. Ради меня она пошла и на другую жертву, не знаю, что сказала ей Библия, разрешила ли, но еженощно она теперь подолгу сосала мой член.

Говоря об удовольствии, я имею в виду остальное: то, что мы всякий день после ее работы бежали у красивейшего летнего океана, то, что она иногда надевала на ноги ужасные черные ботиночки, зашнуровывающиеся на дюжину крючков, с белыми носочками и длиннущую, до полу, юбку и порой заплетала свои длинные и густые волосы в толстую косу. И читала Библию перед сном и совокуплениями. Подобное поведение было новым для меня и забавным и несколько меня не раздражало. Китч, так сказать.

Раз в неделю мы с Джули дружно отправлялись на ее голубеньком автомобильчике в супермаркет за покупками и загружали автомобильчик батареями пива, галлонами вина и паундами разнообразного мяса. Десятками паундов! Она прекрасно готовила и любила это!

Разумеется, в сравнении с ее буйным эксом, алкоголиком – он даже бил ее в последние месяцы, – мое жизнерадостное пьянство ей даже нравилось. Джули быстро привыкла, что без бутылки вина я не сажусь за стол и что это весело, а не плохо.

Через две недели, одновременно с переходом на бессемянное марихуанное искусственное возбуждение, я понял и то, что без работы я тут охуюю. Калифорнийский городок хорош, спору нет, но делать мне в часы, в которые Джули находилась в школе, было совершенно нечего. Лежать у океана целый день, поджариваться на солнце мне сделалось лень. Тинейджеры-девочки, которых я пытался подклеить на местном маленьком пляже, меня боязливо избегали. Шкура моя к тому времени все равно была цвета древесной коры, потому я решил работать и начал перепечатывать набело свой новый роман, написанный в Париже осенью. Первый вариант запасливый писатель привез с собой...

Около восьми утра моя аккуратная подружка садилась в голубенький автомобильчик, а я, улыбочивый и загорелый, в просторных полотняных брюках и тишотке, коротко остриженный Джули – она стригла меня с большим искусством каждую неделю, – махал ей рукою с балкона. Она разворачивалась под окнами и устремлялась в соседний городок учительствовать. Я, послушав последние известия и выругав несколько раз Рейгана и его бравых поджигателей войны, всех этих рослых военных ребят – Хэйгов и Вайнбергеров, садился за машинку.

В двенадцать часов подружка моя являлась домой. Еще от двери улыбаясь своему нежданно свалившемуся на ее голову писателю, подходила его поцеловать, повязывала фартук и уже минут через пятнадцать подавала мне и себе какой-нибудь замысловатый, изобретенный ею ланч, смесь шведской и мексиканской кухонь... Счастливо поглядывая друг на друга, мы обменивались впечатлениями о нашей работе, она сообщала мне, что случилось в школе, я сообщал ей, сколько страниц я переписал и какие новые детали ввел в книгу или убрал старые. Первое время мы даже успевали поебаться в ланч, перерыв продолжался у нее часа два, позже я искоренил неудобный обычай. Из открытой круглые сутки балконной двери несло прекрасной, здоровой калифорнийской зеленью, океаном, маем, потом июнем и июлем... Идиллия.

В час тридцать Джули опять отправлялась учительствовать, упаковывала себя в автомобильчик, а я, взяв с собой пару яблок, книгу и неизменную дешевую вулвортскую тетрадь, служившую мне дневником, шел, минуя тихие мотели, полные стариков и старушек, и, пройдя мимо кладбища и его желтого бульдозерика, мимо гольфовых лужаек, где седые леди и джентльмены примеривались своими клюшками к шару, мимо военно-морского рекрутского центра с цокающим на ветру американским флагом, выходил к берегу океана, скалистому и дикому, и укладывался в двух шагах от воды на свою тишотку с надписью «US Army» и Джули принадлежащие рваные синие джинсы, которые я у нее реквизирувал. Соленый, густо-синий океан, солнце... Таких каникул у меня не было с лета 1974 года, когда я жил на Кавказе и в Крыму. Надев сликсерс, когда мне наскучивало читать и загорать, я бродил по камням, стараясь выкурить крабов с розовыми клешнями из их расселин, а когда выкуривал, то, ей-богу, не знал, что с ними делать, и отпускал. Когда у меня бывало плохое настроение, я калечил и убивал этих безобидных обитателей моря и потом ничуть не жалел об этом.

Однажды мне пришлось пройти по песчаному заливчику, в котором я обнаружил сотни обглоданных и полуобглоданных трупов большой макрели. Среди них пресыщенно бродили вонючие грязные чайки и время от времени отщипывали лучшие куски. К макрельным кишкам и требухе они даже не прикладывались. Все было тихо в природе, и никого макрельное побоище не обижало в океане, как человеческие побоища обижают человека. Правда и то, что чайки не убивали друг друга, а мирно пожирали макрель, которую, очевидно, одним махом убил океан, выбросив незадачливое заблудившееся стадо-отряд через камни на этот вонючий пляжик-кладбище.

Иной раз у дороги, узкой, но тем не менее двухсторонней, появлялся один или несколько автомобилей, и растрескавшиеся совсем старухи и старики или седые, но крепкие американские пенсионеры стояли, вглядываясь в холодный всегда Великий Океан, пытаясь, может быть, что-то понять, чего они не успели понять за всю их жизнь. Их внуки и правнуки, раздавливая разноцветными кроссовками завезенное из Африки жирное и упрямое растение айс-плант⁷, бегали здесь же, демонстрируя энергию новой жизни, обещающей быть такой же бессмысленной. Или же парочка мексиканских любовников, выехавшая на медовый месяц или медовую неделю из Лос-Анджелеса, сидела, прижавшись друг к другу, слушая транзистор.

Было хорошо. Но на этом солнце и свете, и в этих скалах, и водах, и отелях, и провинциальных южных ресторанах нужно было действовать, а я не мог. Действовать. Вне сомнения, городок был бы прекрасной сценической площадкой для хорошей гражданской войны, для расстрелов на берегу океана, для влюбленности в женщину необыкновенно красивую, злую и кровожадную. Для передвижений отрядов, встречи каких-то последних кораблей в тумане, для всего того, что составляет середину жизни или конец жизни нормально развивающего революционного писателя-романтика. А этого не было. Не было даже романа с тинейджером-девочкой, недозволенной ебли с невыросшим человеком женского пола. Была дозволенная жизненная идиллия с женщиной вполне в пределах половой зрелости – 26, но если бы хотя бы нам мешали, а нам никто не мешал.

От океана домой я приносил на тишотке и джинсах вечность, я приносил расплавленную вечность в карманах, грустную вечность, осевшую на совсем не вечном, но временном до ужаса существе. Всасываясь в меня, вечность сообщала мне беспокойство. Каждый день, возвращаясь от океана с новым запасом беспокойства, я усиленно успокаивал себя тем, что моя зимняя мечта сбылась, что я живу с очень «хорошей» девушкой вместе, и уговаривал себя, что я счастлив.

Мы были чистые, загорелые и здоровые существа с моей шведкой. Джули мылась в душе щеткой – большой и жесткой. Я, смеясь, замечал ей, что щеткой обычно моют лошадей... Джули смущалась, но упорно и на следующий день мылась щеткой. После душа, повязав голову белым полотенцем, моя женщина, крупная и красивая, с длинными большими ногами стояла у зеркала и сушила электросушилкой свою пизду и волосы вокруг «против микробов». Мы стирались и мылись так часто, что, пожалуй, мне не удавалось надеть тишотку больше одного раза, как Джули уже бросала ее в кучу грязного белья.

Я мечтал о запахе пота, но единственным запрещенным запахом, который мне удалось протащить в наш лютеранский храм, был запах марихуаны. Мы обедали у открытого настежь большого океана в живинг-рум, у нас у каждого была салфетка, наша пища отличалась сложным разнообразием и очень вкусно пахла. На фотографиях июня и июля у меня толстая рожа зазнавшегося мужика, властно прижимающего к груди спелый аленький цветочек – Джули.

В субботу и воскресенье мы с энтузиазмом отправлялись с нашими друзьями – спортивным писателем и его спортивной женой – или в горы, купаться в горной реке, там даже водились в чистой воде форели, а вдоль тропинок краснела дикая клубника, или же мы отправ-

⁷ Ice-plant – ледяное растение (англ.).

лялись в другие удивительные места – заповедники, бухты и озера, где на природе пожирали еду и пили галлонами калифорнийское вино.

Счастье сидело со мной за одним столом каждый день, оно шуршало платьями мимо, готовило ароматные лепешки и кофе, заглядывало мне в глаза, водило голубой автомобильчик с искусством родившейся за рулем американской девочки, ночью счастье, покрыв меня всего волосами, долго и нудно сосало мой член, счастье спало с беззвучием, непонятным для такой крупной девушки...

Я и она обещали быть красивой парой, украшением любой партии, или пикника, или даже университетского калифорнийского общества – русский «таф»-писатель⁸ и его американская жена. У каждого свои достоинства. Она – простовата, но здорова и крепка морально и физически, преисполнена так нужного в жизни здравого смысла. Он, хотя и зол, и декадент, но талантлив. Подпорчен в столицах мира, но сердцевина не гнилая – здоровая. Его злость уравновешивается ею – ее верностью и добродетелями. Хорошая олд-фэшен – старомодная девушка Джули, такую нелегко найти в наше время. Может быть, у нас родились бы и русско-шведские дети, белокурые или русые ребята и девочки, пять или шесть единиц, ее груди могли вскормить и десяток...

Закат наших отношений начался с того, что однажды я отправился с нею на масонский пикник. Там, среди нескольких сотен простых баб и мужиков, под оркестр и дымное благоухание поджариваемых стейков, под бесконечное пиво из цистерны, и опять солнце, безжалостное калифорнийское солнце сверху, тонны солнца, я вдруг почувствовал себя всерьез принадлежащим к человеческому обществу, к американским дядькам и теткам и тинейджерам... Я даже танцевал с Джули, она – напялив чью-то масонскую кепку на глаза и робко хохоча, словно боясь, что я не одобряю этого ее смеха.

Тут-то я и понял, что я сволочь. Ебаная сволочь. Неисправимый сукин сын, раз она так робко хохочет. И что никакие озарения любви, настоящей, как мне казалось, посещавшие меня, когда мы сидели с ней в каком-нибудь ресторанчике («Жирный кот», скажем) и я действительно любил ее, сидящую напротив, рассказывающую мне о своем детстве, – не изменят уже моей сложившейся предательской натуры, моей психологии моряка, у которого женщина в каждом порту. Никакие озарения меня не оправдывают и не оправдают. Мгновенные вспышки любви. Она хотела постоянного огня.

⁸ Tough – крутой (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.